

Феликс Кулов – о себе, о власти и криминале, об экономике

Газета «Лица», 30 марта 2006 года опубликовала интервью с премьер-министром Кыргызстана Феликсом Куловым.

– Феликс Шаршенбаевич, Нельсон Мандела всегда вспоминал время проведенное в тюрьме с добрыми чувствами, потому что у него было много времени, чтобы читать книги и размышлять. Как вы вспоминаете время, проведенное в тюрьме?

– Половину срока я отсидел в одиночке. Вторую, меньшую часть я провел в колонии. Вы знаете, на меня накатили два судебных процесса, в каждом по 20 томов, которые надо было изучать. К сожалению, это сильно сказалось, потому что я должен был много читать материалов уголовного дела, анализировать, это отнимало много времени. И процесс шел очень долго, практически два года. Поэтому времени было не достаточно, чтобы я мог еще что-то читать. Но я читал. Хотя, находясь в одиночке, мне долгое время не давали возможности иметь телевизор и радио, я был этого лишен. Но, тем не менее, это кажется, что я был изолирован, у меня были возможности, каким образом, я пока не буду говорить, получать информацию из разных источников, даже будучи в одиночке. А когда я попал в колонию, я читал намного больше того, чем я сейчас читаю, но там много времени у меня отнимало общение с заключенными, которые просили моей помощи как юриста: составлять жалобы, изучать их дела. От этого никуда не денешься, потому что люди просят, у них нет возможности нанять адвоката, поэтому я много им помогал. О том, что я там находился, у меня такой характер, я забыл.

– Во сне не снится тюрьма?

– Нет абсолютно, я очень спокойно к этому отношусь. Что было, то было.

– Как вы думаете, кыргызские исправительные учреждения могут действительно исправить преступника?

– Название конечно у колонии «исправительная», но там системы исправления не существует. В чем их особенность? Это колонии советского типа. Это территория огороженная забором, по углам которой стоят часовые. Половина территории бараки, где заключенные живут, половина производственная зона, где они работают. На ночь никого не закрывают, все ходят открыто, потому что не возможно и днем и ночью охранять. Вот такая система, а раз они свободно ходят, то получается они все «герои», и у каждого свой характер и для того, чтобы не было каких-то неправильных действий, десятилетиями вырабатывались правила внутреннего общения в колониях. Все кто там находится, должны эти неписанные правила соблюдать. Там нет авторитетов, в том смысле, что не смотрят, кто кем был на воле. В тюрьме проверяется кто ты такой. Поэтому эта система действует в своих рамках. Нет государственной системы исправления, есть эта среда. Многие попадают и больше не хотят туда попасть, потому что люди там делятся не по национальности, не по возрасту, не по социальному статусу, а по категориям, кто раньше сидел, кто как себя ведет, кто каким видом производства занимается, некоторые считаются нетрадиционной ориентации, они отдельно содержатся. Такая система градации существует, ее называют делением по мастям. Поэтому если кто-то попадает в определенную категорию, там есть свои ограничения, поэтому не все хотят туда обратно попасть только по этой причине. Это не исправление, это не желание вернуться.

– Почему произошли бунты в колониях?

– Я знаю, почему это произошло. Этим занимается прокуратура. Но речь идет о другом. Государство не имеет возможности давать работу заключенным. Раньше люди работали, приходили в бараки получали какую-то зарплату, что-то могли покупать. Сегодня ни одно производство не работает, целый день заключенный предоставлены сами себе, не знают чем заняться. Кто-то старается сделать какие-то подделки своими руками, чтобы потом

продать, шкатулку или шахматы. Естественно своими руками стараются обустроить комнату, в которой живут. Мне показали мою комнату: 4,5 метра, бетон, зимой очень холодно, летом жарко. Я поставил себе печку, чтобы не замерзнуть зимой я спал одетым, практически не раздевался. Такие были условия. А что делать, жаловаться кому-то? Свою постель принес, привез свой телевизор. Нашел линолеум, мне ребята помогли застелить его. Такова жизнь в колониях. Те, у кого есть возможность сделать эти условия лучше, они определенные условия создают и администрация с этим мириться. Например, я принес в колонию две швейные машинки, одну своей покойной матери, другую у своего товарища взял. Для того, чтобы заключенные могли на этих машинках, что-то шить, и этим зарабатывать деньги. Я завез для заключенных деревообрабатывающий станок, чтобы кто-то мог делать столы и стулья. Но кто-то имел больше возможности. Говорят, что кто-то построил себе две-три комнаты, администрация все это прекрасно знала. В другом месте говорили, что у заключенных была лошадь, они пили кобылье молоко. Но это нормально, если нет в колонии лекарств, а кобылье молоко как раз полезно при туберкулезе. Некоторые журналисты говорят, что это шик. Это не шик, это необходимость для больных людей.

— И бильярдный стол?

— А что в этом плохого? Прожить там 2-3-4-5 лет без ничего? Если есть друг, который может дать бильярдный стол, что в этом плохого? Я привез, установил в колонии теннисный стол, поставил баскетбольный щит, волейбольную площадку помог это сделать, чтобы люди могли играть. Они же сидели целый день и курили. Я сделал бадминтонную площадку, многие даже не знали, что такое бадминтон. Разве это плохо? То, что они поставили бильярдный стол, я не считаю это преступлением. Человек сидит 10 лет, ему помогли поставить бильярдный стол. Библиотеку я там поставил.

— Но в колонию запускали родственников заключенных, они там жили. У авторитетов была сооружена сауна, собственная кухня,

каминный зал и т.д.

– Я помог сделать две бани, небольшие комнаты с печкой. Надо ведь людям купаться.

– Баня и сауна это две разные вещи...

– Я не буду говорить о том, что там было, я не видел, я туда не заходил. Я говорю о том, что иногда бывает, что надо что-то сделать. Можете посмотреть то, что я построил не шикарная баня, но она чистая и можно там помыться. Что плохого, если люди хотят мыться? Если шикарно строят, значит нашелся такой меценат, спонсор, но это проблемы спонсора. Я говорю о том, что там положение тяжелое и при этом тяжелом положении есть какие-то вещи, к которым надо спокойно относиться. А если там оружие было это конечно преступление. Но при чем тут бильярдный стол или когда нет лекарств, люди собрались и привезли кобылу, пьют молоко. Тут надо реально смотреть на вещи.

– Феликс Шаршенбаевич, можете немного вспомнить события 24 марта. Кто приехал вас освобождать, как это происходило.

– Я кратко расскажу. Собрались меня освобождать. Ко мне приехали начальник ГУИНа, были еще несколько гражданских, среди них был известный каскадер Усен Кудайбергенов, которого в последствии убили. Носов сказал, что такая ситуация, сюда идет народ для того, чтобы вас освободить, хотят разгромить всю колонию, если это произойдет, вы сами понимаете последствия. Я был просто вынужден выйти, чтобы там ничего не произошло. Потом меня суд оправдал.

– Как вы восприняли новость о том, что Акаев сбежал?

– Я воспринял это очень плохо. Потому что бросать страну, в такой момент, оставлять ее без власти, этого не в коем случае делать нельзя было. Я это никак не могу понять и оправдать.

– Как вы думаете, Акаева действительно предали министры-

силовики?

– Я не могу сказать, потому что не знаю, как события происходили. Если ему поступала правдивая информация и он не принял мер, это его вина, если же ему не давали информацию о реальном положении дел, то конечно это вина тех, кто должен был эту информацию давать. Я думаю, что ему до последнего момента надо было найти политическое решение, зная, что люди собрались на площади. Ни у кого до последнего момента не было намерений штурмовать. Я поддерживал постоянно прямую связь по телефону из колонии с теми кто собирался на площадь. У меня было два телефона и я знал, что происходит везде. Даже могу такой пример курьезный привести, я звоню Розе Отунбаевой, она находится в Оше, а ее разыскивает милиция. Мне об этом сообщили, а она не может выйти по этой причине, я ей звоню и рассказываю где в Оше, что происходит. Она мне потом задает такой вопрос: «А где вы находитесь?». Я отвечаю: «Как где? В тюрьме». Она удивляется: «Откуда вы все это знаете?» А мне давали всю информацию. У многих заключенных тоже были сотовые, они тоже созванивались со своими знакомыми, то есть у меня было много источников информации.

– Вам удалось остановить мародерство. Как вы думаете, эти погромы были специально кем-то организованны?

– Я не проводил расследование, поэтому я не могу сделать официальные выводы. Я могу сказать как человек, который несколько дней был координатором силовых структур. Мое личное убеждение, большая часть погромов была организована. Может, в каких-то местах все произошло случайно, не без помощи хулиганов, но первые погромы были специально организованны. Мне докладывали, о том как произошло: шли ребята в белых кепках, брали камни и разбивали витрины, но сами не заходили, а проходили мимо. А потом уже люди увидев, что все разбито, стали заходить и брать, причем даже по телевидению показывали, как заходили пожилые женщины, спокойно, выносили что хотели. Для этого создали специальные условия. Кому это надо было? Когда я освободился из тюрьмы, было уже темно, я был в Белом

Доме, искал кого-то из лидеров революции, но оказывается они уже ушли. Пока сюда шел, не мог никак пройти, народу было много, а потом никак не мог выйти. Я видел всех кто стоял на площади перед Белым Домом, это были революционеры, а грабили уже те кто провоцировал беспорядки.

– 24 марта я до сих пор не могу вспоминать без слез. Это слезы того, что мои надежды, так называемые «души прекрасные порывы», с которыми большинство людей шли на площадь, не оправдались. Почему мы упустили шанс сплотить всю страну воедино?

– К оценке 24 марта надо подойти очень взвешенно. Ни в коем случае нельзя умалять значение этой революции и тех людей, которые искренне вышли. Мне по телефону давали такую информацию: «Мы начинаем идти по улице Ахунбаева, вниз по Советской». Я спросил, сколько людей. Мне ответили, что мало 2-3 тысячи человек. Многие наверно испугались, потому что накануне выступал новый генеральный прокурор, всех пугали, что будут стрелять. Та колонна во главе с Атамбаевым не стала ждать остальных, а через некоторое время мне позвонили и говорят: «Нас уже больше 30 тысяч». Народ просто увидел и стал присоединяться. Эти люди шли с искренним желанием высказать свое недовольство. В этот момент появляются «белокепочники», начинают забрасывать камнями, ответная реакция митингующих сами знаете какой была. После того напора митингующих часть «белокепочников» забежали в Белый Дом, за ними погнались. Никто специально не планировал зайти в здание и захватить. Вот этот момент непредвиденности и был. Первоначально ведь планировалось поставить на площади юрты, палатки и ждать пока не будут отменены результаты выборов, пока не уйдет правительство. Все настраивались на долгое пикетирование. Такой же вариант как на Украине. А тут оказалась такая случайность, забежали, звонят мне: «Уже захватили Белый Дом!» Как захватили, никто же не планировал это? Вот что произошло. Поэтому нельзя принизить значение тех кто смело вышел на площадь. Надо отделить революцию и провокацию с мародерством.

Конечно, здесь надо было соответствующим органам до конца разобраться и к этому дню все завершить. Я думаю, здесь есть вина и правительства. Но погромы никак не связаны с революцией, это организовали те люди, которые не хотели революции, люди прежней власти, они хотели спровоцировать и скомпрометировать. По некоторым данным планировалось это сделать раньше, когда на площади должны были собраться люди и начать пикетирование, чтобы не допустить украинских событий, провокаторы должны были разбить витринные магазины, тем самым дать повод милиции всех с площади выгнать. Эта акция планировалась раньше, поэтому после революции ее пошли выполнять. Для этого умело сработала прежняя государственная машина.

– Год назад режим Акаева был свергнут. Каковы итоги прошлого года, чего власть добилась, а чего нет? О чем можете говорить с гордостью, а о чем с разочарованием?

– Цель революции и желание народа было свергнуть авторитарный режим, восстановить справедливость и улучшить жизнь. Две основные причины революции: это коррупция, связанная с авторитаризмом и безработица. Настроение народа в революции сыграло главную роль, это было движущей силой. И сейчас мы стараемся, чтобы чаяния народа воплотились в жизнь. Президент страны возглавил Конституционное совещание, потому что требование об изменении Конституции было требованием народа, и мы должны именно такие реформы провести.

Об экономической ситуации в стране вы знаете, за 15 лет независимости образовался большой внешний государственный долг, который составил более 2 млрд. долларов. Конечно, это сказывается на экономике страны, бюджет которой составляет 300 млн. долларов. В этой ситуации сложно говорить, что за короткое время, наше правительство работает с сентября прошлого года, можно добиться, резкого улучшения в экономике. Чудес в экономике не бывает. Поэтому мы поставили простую задачу – построить надежный экономический и правовой фундамент, для того чтобы со следующего года уже уверенно

выходить из кризиса. Эта задача реальная, основанная на наших возможностях. Кстати, и специалисты, и эксперты миссии МВФ, с которой мы тесно сотрудничаем и заключили об этом соответствующий меморандум по данному вопросу, внимательно изучили наше экономическое положение и пришли к выводу, что наши планы реальны.

Президент совершенно правильно поставил амбициозную задачу выйти по уровню прироста ВВП на 8 %. Это на 3 % выше, той цифры, о которой мы договорились с миссией МВФ. Я считаю, что надо всегда ставить высокую планку, выше чем мы ее можем одолеть, это позволит мобилизовать все ресурсы. Но для этого необходимо, чтобы все ветви власти тесно работали, главное должна быть поддержка нашего парламента, в наших реформах.

У нашего правительства планируется проведение радикальных реформ в области горнодобывающей промышленности, энергетической промышленности, в других секторах экономики. Но без справедливой, независимой, судебной системы не возможно продвижение экономики вперед. Недавно председатель правления Казахского «Халык банка», создавшего здесь свой филиал, сказал интересные слова: «Я не прошу каких-то экономических действий для поддержки развития банка. Мы хотим одного, чтобы у вас работали честно и независимо суды, это позволит уверенно чувствовать себя собственникам». Он прав, если сегодня суды будут слушаться чиновников, конечно, не возможно говорить о честном бизнесе, где нет честного суда. Это другая задача, которая стоит перед правительством. Мы будем стараться, чтобы бюджет Верховного суда был отделен от общего.

Безусловно, экономическая самостоятельность должна быть у правительства. В первое время после революции, премьер-министр Бакиев, исполняя обязанности президента, вынужден был вникать в государственные вопросы как во внешней политике, так и во внутренней экономике. После того как я пришел на пост премьера, еще по инерции у нас такие моменты происходили, но после нового года, президент провел совещание и сказал: «Если на первом этапе это все было целесообразно, то теперь надо, чтобы экономическая часть уходила к правительству, а президент

занимался разработкой стратегии». Я думаю это правильный компонент, чтобы министры, руководители различных ведомств и госструктур несли полную ответственность за положение дел в стране.

К сожалению, не все это пока понимают. Недавно на одном из заседаний нашего парламента были предъявлены претензии ко мне о том, что я должен был прийти и присутствовать. Но я перед этим посмотрев повестку дня, адресовал это первому вице-премьеру. Это его область, это его сфера курирования. Пришел на заседание парламента полный состав нашего правительства. Но депутаты посчитали, что необходимо, чтобы выступил перед ними премьер. Я спикеру парламента объяснил следующее: «В законе, который вы приняли, сказано, что правительство это коллегиальный орган, у каждого члена правительства имеются свои функции и полномочия. Они в полном составе пришли, пусть они отчитаются. Если отчет членов правительства вас не будет удовлетворять, тогда пригласите премьер-министра, но сначала выслушайте их. Я считаю, что мы должны разделять ответственность». Вместо этого появились горячие призывы, может несколько поспешные, потребовать отставки правительства. Я думаю, что это эмоциональное выступление, если смотреть старого по закону, мы должны стремиться и воспитывать как правительство, таки отдельных депутатов, которые должны правильно понимать степень ответственности за порученное дело. У нас много талантливых депутатов, которые работали в бизнесе, но они не работали в системе госвласти, поэтому и считают, что все должен решать первое лицо.

– Довольны ли вы своей работой?

– Конечно, нет, не доволен. Я тороплюсь жить. И мне самому иногда бывает сложно преодолевать эти бюрократические препоны. Например, я не имею права сам подписать правительственное постановление. Обязательно должны поставить подписи большинство членов правительства. И каждый член правительства должен 2-3 дня изучать документы, прежде чем постановление подписать. У него тоже много работы, он не успевает изучить

эти документы. И получается мы затягиваем решение вопросов. Я не могу этот вопрос никак обойти, потому что понимаю, если я подпишу постановление, то это не будет правительственным постановлением. Это не очень удобно в работе правительства, потому что я человек, который привык принимать решения, брать на себя ответственность, а здесь приходится учитывать, что ответственность не только моя, но и других людей.

– Аналитики и зарубежные дипломаты опасаются второй революции, говорят, что Кыргызстан хронически не стабилен. Как можете прокомментировать эти прогнозы?

– Я не вижу для этого никаких предпосылок. На фоне спокойных ситуация в некоторых странах, активность нашего населения воспринимается как нечто экстраординарное. Так не стоит реагировать. Если люди хотят высказать свое мнение, пытаются это сделать путем выхода на митинги и демонстрации, может не всегда это происходит спокойно, иногда чересчур эмоционально, сразу начинается суждение, что у нас нестабильность. Я считаю, что это признак стабильности, признак демократической стабильности. Когда люди выходят и пытаются высказать свое мнение, если у них нет другого способа довести до новой власти. При старой власти это сразу пресекалось, их загоняли в какие-то скверы, парки, не давали возможности оттуда выйти, закрывали с помощью сил правопорядка. А сегодня люди хотят высказать то, что у них накопилось за последние 15 лет, и они хотят высказать это открыто, не дожидаясь определенных собраний. Собираются группы людей, которые под окнами кричат: «Кулов, выходи, мы ходим тебе сказать!» Что в этом плохого? Это нормальное явление. Если я вижу, что это мой вопрос, то выйду, если кто-то из подчиненных курирует, то выходит он. Я не могу на каждый митинг выходить, я ведь не буду успевать работать. К этому я отношусь спокойно. На этом фоне каких-то предпосылок для смены власти я тоже не вижу. Мы с Бакиевым ответственные люди и понимаем, что даже если у кого-то из нас есть какие-то мелкие амбиции, то они должны уйти в сторону, потому что ответственность слишком большая. Это не высокие

слова, это в самом деле так. Даже некоторые мои сторонники меня упрекают, что я молчу, не выступаю против Бакиева. Я спрашиваю: «А что я должен говорить против?» Никто ничего не может сказать. Вот вы можете что-то назвать, чем особенно не доволен народ?

– Взять, к примеру, бывших соратников Бакиева по революции, многие из них не у дел. Общественность, говоря, что революция не добилась поставленных результатов, имеет ввиду тот факт, что во власти ничего не поменялось, и в Доме правительства сидят все те же акаевские кадры. Вот одно из недовольств.

– Во-первых, я все-таки глубоко убежден, что была революция. Может первый день у меня были какие-то сомнения. Но через несколько дней, проанализировав, я пришел к твердому убеждению, что была революция. Почему? Она не началась 24 марта. 24-го была финальная часть. Может в этот день сыграла сумма каких-то факторов, то, что экс-президент уехал, это ускорило революционный финал. Но все началось еще в Карабууре, когда народ недовольный выборами в 2000 году поднялся, впервые прошла масштабная акция протеста. После этого были события в Аксы в марте 2002 года, когда народ вышел на митинг, и власти расстреляли 6 человек. Далее народ, недовольный коррумпированной властью создал народные кенешы, это началось в Джала-абаде 15 марта прошлого года. Создавались параллельные органы власти, народ сам избирал лидера и рядом со зданием госадминистрации ставились юрты, проводились телефоны и там сидел народный губернатор. А финал произошел 24 марта. Я особо подчеркиваю – это была народная революция. Народ сам проявил такую инициативу. Теперь стоит вопрос: оправдались ли ожидания народа? Много обоснованного недовольства, но я повторяю, чудес в экономике не бывает, ответственность большая, надо работать. Что касается акаевских кадров. При Акаеве работало много людей, в том числе Бакиев и я, работали Проненко, Отунбаева и другие. Это акаевские или не акаевские кадры?

– Но бывшие революционеры, такие как Бекназаров, Артыков, Отунбаева остались на обочине?

– Давайте объективно смотреть, если претензии к кому-то предъявлять. В отношении Отунбаевой и Проненко это решение депутатов, это не решение Бакиева, Бакиев не выгонял их с работы. В отношении Бекназарова президент объяснял причину, по которой он отправил его в отставку. Анвару Артыкову был предложен другой пост, он не согласился уходить, вот эта причина. Это то, что я знаю официально, если человеку другой пост предлагают и он отказывается, как это расценивать? Он чиновник на госслужбе, отказывается от предложенной работы, уходит сам в отставку.

– Совсем недавно вы очень жестко выступали против сращивания криминала с властью, особенно в высших эшелонах силовых структур. Через неделю после вашего заявления президент выступил перед парламентом, после чего как бы все утихло.

– Я не просто выступаю по поводу борьбы с коррупцией, я хочу это показать на реальных делах. В частности, много было разговоров о том, что происходит в энергетике. Мы специально посвятили заседание этому вопросу, рассмотрели его, там были коррупционные моменты, материалы передали в генпрокуратуру. Дали месяц исправить положение. До этого провели с участием гражданского общества открытое заседание правительства по борьбе с коррупцией, причем такие мероприятия мы будем проводить теперь периодически. То есть приходят представители оппозиционных партий, НПО, мы не делаем ограничения ни для каких СМИ, даже тех, кто враждебно ко мне относятся, этим мы показываем открытость. И в отношении ни одного газетного издания я не подавал в суд, хотя в некоторых газетах идут откровенные оскорбления в мой адрес, проявляется непорядочность. Тем не менее я молчу, ни на кого в суд не подаю, хотя давно бы мог это сделать. Это что означает, что я боюсь или я проявляю терпимость? По мужски, я не боюсь встретиться, переговорить глаза в глаза, но как политик считаю, что руководитель должен быть на виду, его должны критиковать, а народ сам разберется кто прав, а кто нет. Я должен только давать разъяснения, или моя пресс-служба,

правильная или не правильная была критика, но не подавать в суд. Хотя иногда бывает больно, когда говорят откровенную глупость, явно оскорбительные слова. А что делать? Такова участь политика. Я стараюсь это людям привить.

– Руководитель СНБ Айтбаев, имя которого вы упоминали в своем заявлении, все еще на своем посту. Он тоже в свое время сделал ряд заявлений в ваш адрес. Несмотря на внешнюю ненависть вы все равно продолжаете вместе работать. Как это возможно?

– Лично к Айтбаеву я отношусь нормально, как к человеку. Если вы помните в моем заявлении сказано: «Когда говорят о сращивании криминала с властью, на слуху разные фамилии. Есть люди, которые не делают необходимых действий, чтобы пресекать деятельность криминалитета». В числе этих людей я назвал Айтбаева. Это было как предупреждение, что надо быть крайне осторожным, чтобы не было повода у населения об этом говорить. Люди наши восприняли это со своих позиций, что я развязал какую-то войну против службы нацбезопасности. Это немного смешивание понятий, когда глава правительства делает замечание в адрес руководителя одной из структур, что надо быть очень щепетильным во многих вопросах и если человек будет прислушиваться, делать выводы, это будет замечательно. В этом была цель. А не в том, чтобы каким-то образом расправиться с человеком, убрать его с должности, сделать его каким-то виновником того, что происходит в стране. Это старые методы, которые использовали при Союзе – найти крайнего. Моя задача предупреждать, чтобы такие задачи не допускались, чтобы высокие чиновники были внимательными. Если он это не правильно понял, воспринял и начал делать какие-то заявления в мой адрес, пусть это останется на его совести, это говорит об уровне его политической культуры и не больше.

– Вам не казалось странным то, что практически те же слова в ваш адрес, что и Айтбаев потом говорил Рыспек Акматбаев?

– Для меня это не показалось странным. Это стало ярким подтверждением того, что я говорил раньше.

– Многие революционеры требовали роспуска парламента, избранного с многочисленными нарушениями. В последнее время была настоящая политическая борьба между парламентом и президентом, после выступления Текебаева. Вам не казалось, что все-таки надо было распустить парламент и организовать новые выборы?

– Я вообще против таких действий. Для того, чтобы распустить парламент, должны быть очень веские основания, и прежде всего законные. Если парламент не будет поддерживать реформы, которые планирует президент и которые реализует правительство, то конечно конфликт будет неизбежен. К чему он приведет, даже не хочу прогнозировать. Но я, почему то уверен, что большинство депутатов парламента это талантливые люди, поэтому они и стали депутатами, у них много здравого смысла, они умеют работать и знают как добывать кусок хлеба, они не пойдут на путь непримиримой конфронтации. Мне понравилось выступление нового спикера Марата Султанова, он сказал, что парламент это тот орган, который должен оппонировать правительству. Я считаю, что это хорошая формулировка, когда есть оппонент, который может высказывать другое мнение, всегда способствует прогрессу. Я всегда спокойно отношусь к критике, стараюсь из нее сделать правильные выводы. Если критика необоснованна, на стоит сразу бросаться в атаку, надо дать время остыть, а потом можно сказать еще больше.

– Ваши прогнозы на развитие Кыргызстана?

– У меня оптимистичные прогнозы. Я достаточно честолюбивый человек, я сюда пришел не для того, чтобы отсидеть какое-то время, мне это не надо. Я не для того сидел в неволе пять лет, чтобы один год проработать во властных структурах. Я уходил с поста дважды: с поста вице-президента и с поста мэра, то есть за должности не держался. Был шанс пойти на соглашательскую политику с Акаевым, тогда я мог бы не сидеть в тюрьме, достаточно было ему письмо написать, и меня никто бы не тронул. Поэтому если я сюда пришел, значит, у меня есть свои задачи, для того, чтобы попытаться сделать лучше жизнь страны.

Как это удастся? Конечно, это сложно, но надо делать. Кто-то же должен работать.

Газета «Лица» и www.parohod.kg